

УДК 82.06

ГЕТЕРОТОПИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ Е. КАТИШОНОК «ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ»

© Татьяна Бреева, Гульчечек Хусайнова

HETEROTOPE OF HISTORY IN E. KAISISHONOK'S NOVEL "THERE LIVED AN OLD MAN AND HIS WIFE"

Tatiana Breeva, Gulchechek Khusainova

The article deals with the specifics of heterotopy in history, its construction and functions in the novel "There lived an Old Man and His Wife" by E. Katishonok. The feminine picture of the world, characteristic of the novel, determines the nature of the interpretation with regard to historical discourse. Its basis is the generalization of history, which removes the polarity of the national and political history of Russia in the twentieth century. This version of the historical narrative, its artistic representation, is a transformation of the genre strategy of the family chronicle in the novel. The interpretation of macro-history in all its manifestations and the clan history are deconstructed. In the first case, the semantic recoding of the historical narrative (first of all, the expansion of axiological boundaries in the comprehension of the Great Patriotic War) is dominant, in the second case, the structural recoding comes to the fore, it transforms the centered family model (through the image of the hero-founder of the family) into the rhizomatic model of the clan, corresponding to the general polycentric feminine view of the world.

The specific narrative organization of the text, which ensures the rejection of unambiguous linearity of the narrative in favor of heterochrony and creates the effect of personalization of the autographic narrative, becomes both a way of deconstructing the traditional genre strategy and a form of constructing the heterotopy of history, based on the "place of memory (lieu de mémoire)" (P. Nora). In E. Katishonok's novel, the Osteisian region appears to be a hybrid space, combining Jewish, German and Russian (through the Cossacks) loci, each of them is chronotopically specific. In this case, all the chronotopes are drawn into the common clan space, acquiring the ability to change their values and form kinship out of time.

Keywords: genre strategy, family chronicle, heterotopy of history, generalization of historical narrative, patrimonial history, "place of memory (lieu de mémoire)" (P. Nora).

В статье рассматривается специфика конструирования и функционирования гетеротопии истории в романе Е. Катишонок «Жили-были старик со старухой». Феминная картина мира, свойственная данному роману, определяет характер осмысления исторического дискурса, основу которого составляет генерализация истории, снимающая полярность национальной и политической истории России XX века. Художественной репрезентацией подобного варианта исторического нарратива выступает в романе трансформация жанровой стратегии семейной хроники. Деконструкции подвергается как собственно интерпретация макроистории во всех ее проявлениях, так и родовой истории. В первом случае доминирующее значение отводится смысловой перекодировке исторического нарратива (прежде всего, расширение аксиологических границ в осмыслении Великой Отечественной войны). Во втором на первый план выдвигается структурная перекодировка, трансформирующая центрированную семейную модель (посредством образа героя-основателя семьи) в ризоматическую модель рода, отвечающую общей полицентричности феминной картины мира.

Специфическая нарративная организация текста, обеспечивающая отказ от однозначной линейности повествования в пользу гетерохронии и создающая эффект персонализации аукторального повествования, становится как способом деконструкции традиционной жанровой стратегии, так и формой конструирования гетеротопии истории, на основе «места памяти» (П. Нора). Остзейский край в романе Е. Катишонок предстает как гибридное пространство, совмещающее в себе еврейский, немецкий и русский (через казачество) локусы, каждый из которых хронотопически конкретизирован. При этом все хронотопы втягиваются в общее родовое пространство, приобретая способность менять свои значения и формировать родство вне времени.

Ключевые слова: жанровая стратегия, семейная хроника, гетеротопия истории, генерализация исторического нарратива, родовая история, «места памяти» (П. Нора).

Одной из доминантных проблем современной культуры и гуманитаристики становится проблема субъективности, переосмысление которой, как известно, связывается с изысканиями Э. Гуссерля, М. Хайдегера, Х.-Г. Гадамера, Ж. Лакана, Л. Витгенштейна и т. д. По словам А. С. Колесникова, «сознание лишается оснований очевидности, теряет свою самодостаточность и самооправдание, а само находит обоснование в неосознанных сферах, которые включают в себя сознание как один из моментов функции (бессознательных структур жизни, психики, языка, мифа, власти и т. д.) или текста (истории, мышления, культуры, бытия)» [Колесников, с. 79]. Особую значимость эта проблема приобретает в рамках феминистского дискурса последних десятилетий, переосмысляющего представления классического феминизма о структуре женской субъективности. Феминистская критика второй половины XX века связывается преимущественно с вопросом о конституировании женской субъективности, в том числе и в текстуальных практиках, формируя тем самым феномен женского письма.

Специфической особенностью современного литературного процесса становится авторская концептуализация данного феномена, выражающаяся в появлении гендерно маркированной картины мира. Первым шагом в ее становлении оказывается творчество «Новых амазонок», позиционирующих себя «в качестве нулевого меридиана постсоветского феминизма» и утверждающих свое творчество как преодоление культурного кризиса, ставшего очевидным в конце 1980-х годов. В дальнейшем эта тенденция продолжает развиваться в творчестве Л. Улицкой, Д. Рубиной, М. Степновой, Е. Чижовой, О. Славниковой, Е. Катишонок, М. Арбатовой, Н. Абгарян и т. д. Гендерно маркированная часть женской литературы не только транслирует традиционные формы *женского письма*, обусловленные *женским сознанием*, но и моделирует феминную картину мира, выстраивая свой вариант хронотопа, создавая свой вариант концептуализации маскулинности и феминности, формируя особый характер описания мира, воплощением которого становится специфика нарративной организации текста.

Центральной составляющей феминной картины мира является гетеротопичный хронотоп; с одной стороны, трансформирующий традиционные принципы хронотопической организации, свойственные Большому стилю патриархатной

литературы, а с другой – становящийся одним из способов конституирования женской субъективности. Художественной репрезентацией этого является эксплицирование традиционных жанровых стратегий (например, семейной хроники, романа воспитания, криптологического романа, антиутопии и др.) и их реструктуризация на основе гетеротопий.

Одной из наиболее частотных гетеротопий в современной женской литературе оказывается гетеротопия истории, которая не столько демонстрирует процесс переосмысления дискурса истории, сколько, выступая формой презентации женской субъективности, предлагает варианты преодоления исторической травмы. Востребованность в этом литературном ряду жанровой стратегии семейной хроники и ее практически обязательной деконструкции объясняется все той же природой женской субъективности, которая по замечанию И. Жеребкиной, «... определяется не структурой государства (с его социальными статусами), а структурой семьи (даже если это ненормативные / не-эдипальные варианты семьи – например, женская семья, состоящая из бабушки, матери и дочери, или неполная семья мать / ребенок, или семья сестер и т. п.)» [Жеребкина, с. 176]. Более того, «ненормативные» варианты семьи (хотя это и необязательно) оказываются даже более привлекательными в силу особенностей репрезентации женского опыта «преимущественно в антисимволистских терминах телесного, биологического, физиологического и т. п.» [Там же, с. 177], отражением которого выступает материнско-дочерний сюжет.

В текстах подобного рода перекодирование хронотопа семейной хроники в гетеротопию истории нередко происходит с помощью декларативного эксплицирования акта исторической трансгрессии, осуществляемой посредством двух вариантов означивания истории: мужского и женского. Мужской вариант приводит к внутренней конфликтности исторического нарратива: сакрализация мировой истории может противостоять профанации политической истории XX века (как это происходит в романах Л. Улицкой «Медя и ее дети» и «Казус Кукоцкого»), макроистория может противостоять истории семьи (Н. Абгарян, Е. Чижова, Е. Катишонок).

Женский же вариант означивания определяет трансформацию дискурса истории в гетеротопию истории, при этом важную роль начинает играть генерализация исторического нарратива на основе утверждения его травматической природы.

Структура гетеротопии истории определяется акцентированием гетерохронии, реализацией которой, с одной стороны, становится конструирование «мест памяти», а с другой – нарративные стратегии, репрезентирующие женскую субъективность.

Одним из произведений, реализующих гетеротопию истории, становится трилогия Е. Катишонок, которую составляют романы «Жили-были старик со старухой» (2006), «Против часовой стрелки» (2009) и «Свет в окне» (2014). Все три романа связывает история рода Ивановых, однако сюжетно каждый из них самодостаточен; причем жанровая стратегия семейной хроники обнаруживается только в первом романе, хотя гетеротопия истории в равной степени характеризует всю трилогию в целом. В данной статье мы рассмотрим специфику функционирования гетеротопии истории в романе «Жили-были старик со старухой», вошедшем в шорт-лист «Русского Букера» в 2009 году и удостоенном премии «Ясная поляна» в 2011 году.

Традиционно для семейной хроники центром повествования становится здесь изображение судьбы казачьего рода Ивановых, волею истории оказавшегося в Остзейском крае, построившего в Городе свой родовой дом. История жизни рода разворачивается на протяжении первой половины XX века, затрагивая все ключевые события этого времени. Историческая динамика определяет существование самого Города (сначала центра одного из регионов Российской империи, затем независимой республики, провинции рейха и впоследствии части СССР), герои вовлекаются в исторический водоворот двух мировых войн, гражданской войны, эвакуации и т. д.

Однако дискурс истории в романе подчеркнуто двупланов; мужской вариант означивания истории, который репрезентируется жанровой стратегией семейной хроники, замещается женским вариантом, формирующим собственно гетеротопию истории. Акцентирование двуплановой природы дискурса истории происходит благодаря открытому выражению авторефлексивной природы повествовательного «я», в центре осмысления которого находится проблема определения характера рассказывания. В романе, по крайней мере трижды, упоминается, что это не «историческая хроника»: «будь рассказчик одет в жесткий мундир исторической хроники», он должен бы придерживаться макроистории, «но в рамках другого жанра можно только намекнуть или подсказать одной артикуляцией, не озвучивая намек», – поэтому становятся возможны «неровности повествования», описание «каких-то

периодов жизни стариков...поверхностно и кратко» [Катишонок], а других растянуто.

Подобное определение характера рассказывания по принципу «от противного» становится своеобразным «минус-приемом», позволяющим Е. Катишонок формально эксплицировать модель семейной хроники. Именно поэтому семья Ивановых нередко именуется «кланом», их история называется «маленькой сагой» и т. п. При этом традиционные маркеры семейной хроники тематизируются, приобретая форму «сигналов», формирующих горизонт читательских ожиданий, дабы сразу же его перекодировать. Такими «сигналами» в романе выступают последовательность смены поколений Ивановых, сопровождающаяся рождением и смертью; укорененность рода через хронотоп дома и кладбища в Городе¹; взаимодействие человека и макроистории; мотив деградации рода. Каждый из них последовательно перекодируется, формируя женский вариант означивания истории, гетеротопию истории как способ преодоления исторической травмы.

Перекодирование связывается с характером осмысления исторического нарратива, прежде всего это касается его генерализации, частным случаем которой выступает частичная десакрализация Великой Отечественной войны. Генерализация исторического нарратива, характерная для большинства произведений женской прозы рубежа XX–XXI вв., реализуется либо посредством его реструктуризации², либо, как в случае с романом Е. Катишонок, десакрализации отдельных его элементов, главным образом, Великой Отечественной войны³. Оба варианта становятся

¹ Примечательна смысловая инверсия хронотопа кладбища, «укореняющего» род Ивановых не через «отчие могилы», а через могилы детей.

² Примером этого могут служить романы Л. Улицкой, где события политической истории (политические кампании послевоенного десятилетия в «Медее и ее детях», похороны Сталина в «Казусе Кукоцкого») превалируют над событиями национальной истории (например, Великой Отечественной войной).

³ По замечанию С. Бойм, «первый тип ностальгического повествования ставит акцент на „ностос“ и пытается восстановить или построить вновь мифический коллективный дом. Ностальгия этого типа утопична и тотальна, связана с символическим / метафорическим и внеисторичной „перестройкой действительности“. Тотальное ностальгическое повествование убедительно и соблазнительно, оно утверждает, что речь идет вовсе не о ностальгии, а о правде жизни» [Бойм]. В отношении Великой Отечественной войны ностальгический нарратив первого типа актуализируется в оттепельной культуре как презентация исторического опыта, сохраняющего безусловную ценность и стано-

возможны благодаря особой нарративной организации текстов женской прозы, развивающей один из двух типов ностальгического нарратива, ставящий «акцент на втором слагаемом – „альгия“, на тоске и тосковании. Его интересует не предмет, а процесс, воспоминание как таковое, любование ускользающей деталью, фрагментом. Метонимическая деталь является якорем памяти, а не эмблемой прошедшего золотого века» [Бойм]. В романе «Жили-были...» ностальгический нарратив этого типа обеспечивается смещением акцента с хроникальности повествования на специфику устного рассказывания как способа приобщения к опыту рассказчика (в понимании В. Беньямина). Именно эту цель преследует введение сказочного кода, актуализируемого на протяжении всего повествования:

Жили-были старик со старухой у самого синего моря...

Синее море было скорее серым и находилось в часе езды: сначала на трамвае, потом на электричке, но они давно там не бывали.

Жили они вместе уже пятьдесят лет и три года.

Старик действительно любил ловить рыбу, но обходился без невода: просто шел поутру с удочкой на небольшую речку, которая текла за спичечной фабрикой, прямо за парком. <...>

Пряжу старуха не пряла, зато вышивала в молодости немало и с большим искусством. <...>

Было и корыто: его роль выполняла добротная оцинкованная ванна, в которой раз в неделю старуха замачивала, а потом стирала белье, глубоко погружая в мыльную пену полные руки и безжалостно теребя тряпье по стиральной доске, рельефные волны которой имитировали все то же синее море. <...>

Как они жили? Кем они были? Не всегда же звались они стариком и старухой: были ведь когда-то детьми, женихом и невестой, супругами, а затем и родителями – шутка сказать! – семерых детей, из которых двое померли во младенчестве» [Катишонок].

Частичная десакрализация Великой Отечественной войны обеспечивается достаточно устойчивым вовлечением в контекст идей религиозного пацифизма. Евангельскую заповедь «Не убий» нарушает только младший сын Матроны и Григория – Симочка, хотя и сам Григорий, и его старшие сыновья, Автоном и Андрий, также были призваны на фронт, где Андрий пропадает без вести, а Автоному чудом удается избежать концлагеря. Муж дочери Ирины – Николай, оставшийся в Городе «на посту», погибает в концлагере. Эффект устного рассказывания обеспечивается расширением аксиологических границ в от-

ношении Великой Отечественной войны: «Под Сталинград он (Симочка – Т. Б., Г. Ш.), слава Богу, не попал, зато доблестно воевал на других фронтах, многожды нарушая заповедь „Не убий“, что и требуется от солдата на войне, будь она проклята, и хорошо, что эта проклятая, хоть и самая справедливая, война уже идет к концу» [Катишонок]. Подобная интерпретация Великой Отечественной войны уравнивает ее с явлениями политической истории (например, государственным антисемитизмом), снимая внутреннюю напряженность исторического дискурса, в целом характерную для жанра семейной хроники.

Вместе с тем Е. Катишонок отказывается и от абсолютизации ценности родовой истории, а точнее от ее классической презентации, свойственной семейной хронике. Последнее, как правило, проявляется в безусловной значимости образа героя-основателя рода, которая получает либо историческое обоснование, фиксируя его включенность в исторический поток времени, либо духовно-нравственное обоснование, когда герой тяготеет к воплощению архетипического образа мудреца. Именно наличие ценностного ядра становится основанием появления мотивов деградации рода или родовой памяти.

В романе «Жили-были старик со старухой» структура родовой истории подвергается резкой трансформации. Это обеспечивается благодаря свойственному всей женской прозе рубежа XX–XXI вв. ауторальному типу повествования. При всем том, что Е. Катишонок не делает очевидных попыток персонализации повествовательной инстанции⁴, которая характерна, например, для романов Л. Улицкой «Медея и ее дети» и М. Степновой «Женщины Лазаря», подобный эффект все равно достигается посредством акцентирования опыта устного рассказывания. Необходимость подобной нарративной организации обуславливается, прежде всего, несовпадением образа Матроны с традиционным типом героя-основателя. При всех формальных моментах, позволяющих героине претендовать на этот статус⁵, Матрона не является центрирующей фигурой в истории рода (важная роль в разрушении статуса героя-основателя отводится и архетипическому двойнику Матроны – старухе из пушкинской сказки). Этим объясняется, например, разность нарративных стратегий в романах Л. Улицкой «Медея и

⁴ См. об этом подробнее [Григорь].

⁵ К таким моментам относятся характер именованной героини – «мамынька», наличие у нее своеобразного аналога родового архива – «объемной жестяной коробки от печенья „Бон-Бон“», специфика восприятия Матроной времени, полное игнорирование исторического времени и пр.

вящегося основой для построения коллективной идентичности.

ее дети» и Е. Катишонок. В первом романе финальная персонализация аукторального нарратива объясняется тем, что образ Медеи может взять на себя функции структурирования родовой истории. Опыт устного рассказывания, создающий эффект персонализации аукторального повествования в романе Е. Катишонок, выполняет функцию компенсации, давая возможность нового структурирования истории рода Ивановых на основе ризоматической модели. При этом линейная последовательность в изложении родовой истории утрачивает аксиологический смысл, не отражая традиционный прием градации поколений. Все три поколения рода Ивановых вовлекаются в развитие одного и того же сюжетного мотива (им становится отношение к семейным ценностям), пропущенного сквозь христианскую аксиологию «Не прелюбодействуй», причем герои всех поколений в равной степени нарушают евангельскую заповедь (женщины, спасающие Григория и Автонома во время войны, становятся их мимолетными любовницами; Симочка, предавая ждущую его с войны Настю, привозит «военный трофей» – Ванду; семейная жизнь Таисии также далека от идеала и т. д.).

Своеобразие же нарративной организации текста обеспечивает трансформацию линейного повествования в гетерохронию, которая и формирует гетеротопию истории. Особую значимость в этом случае приобретает Остзейский край как воплощение «места памяти», преодолевающего травматический опыт истории. П. Нора, давая характеристику «мест памяти», фиксирует несовпадение «памяти» и «истории»: «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. <...> В сердце-истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. <...> Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [Нора, с. 21].

Остзейский край в романе Е. Катишонок предстает как гибридное пространство, совмещающее в себе еврейский, немецкий и русский (через казачество) локусы, каждый из которых хронотопически конкретизирован: русский локус определяется хронотопами кладбища и Старого Города, еврейский локус – больницами и концлагерями, немецкий – хронотопом мастерской. При этом все хронотопы втягиваются в общее родовое пространство, приобретая способность менять свои значения и формировать родство вне времени.

Таким образом, роман Е. Катишонок, формируя гетеротопию истории как одну из важных составляющих гендерно маркированной картины мира, последовательно деконструирует жанровую стратегию семейной хроники, ведущая роль при этом отводится специфике нарративной организации текста. Собственно же гетеротопия истории моделируется через призму «места памяти», структурная и смысловая синтетичность которого выполняет функции проработки травмы истории.

Список литературы

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym-pr.html> (дата обращения: 15.12.2017).

Григорь С. А. Повествовательные стратегии в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012. 18 с.

Жеребкина И. Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.

Катишонок Е. Жили-были старик со старухой. URL: <http://e-libra.su/read/337160-zhili-bili-starik-sostaruhoj.html> (дата обращения: 15.12.2017).

Колесников А. С. Проблема субъективности в постструктурализме // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 79–106.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.

References

Boim, S. (1999). *Konets nostalgii? Iskusstvo i kul'turnaia pamiat' kotsa veka: Sluchai Il'i Kabakova* [The End of Nostalgia? Art and Cultural Memory at the End of the Century: The Case of Ilya Kabakov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1999. No. 39. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym-pr.html> (accessed: 15.12.2017). (In Russian)

Grigor', S. A. (2012). *Povestvovatel'nye strategii v proze L. Ulitskoi: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Narrative Strategies in the Prose of L. Ulitskaya: Ph.D. Thesis Abstract]. Saratov, 18 p. (In Russian)

Katishonok, E. *Zhili-byli starik so starukhoi*. [There Lived an Old Man and His Wife]. URL: <http://e-libra.su/read/337160-zhili-bili-starik-so-staruhoj.html> (accessed: 15.12.2017). (In Russian)

Kolesnikov, A. S. (2000). *Problema sub"ektivnosti v poststrukturalizme* [The Problem of Subjectivity in Post-structuralism]. *Formy sub"ektivnosti v filosofskoj kul'ture*

XX veka. Pp. 79–106. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo. (In Russian)

Nora, P. (1999). *Problematika mest pamiati* [The Issues of Places of Memory]. *Frantsiia-pamiat'* [France-memory]. P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. Per. s fr.: Dina Hapaeva. Pp. 17–50. St. Petersburg, Izd-vo S.-Petersb. un-ta. (In Russian)

Zherebkina, I. (2003). *Gendernye 90-e, ili Fallosa ne sushhestvuet* [The Gender 90s, or the Phallus Does Not Exist]. 256 p. St. Petersburg, Aleteiia. (In Russian)

The article was submitted on 18.12.2017
Поступила в редакцию 18.12.2017

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@mail.ru

Хусайнова Гульчечек Шамсутдиновна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ipokadgiva@mail.ru

Бреева Татьяна Николаевна,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@mail.ru

Khusainova Gulchechek Shamsutdinovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ipokadgiva@mail.ru